
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Развитие старообрядческой благотворительности в Петербурге началось с появлением в городе первых старообрядцев. Староверы попали в Петербург, когда при Петре I в новую столицу переселяли целые деревни¹. По стране распространялись слухи о покровительстве старообрядцам в столице, несмотря на то, что на протяжении всего XVIII в. правительство неустанно пыталось искоренить раскол, меняя лишь методы борьбы. Конечная цель при этом оставалась прежней – вернуть старообрядцев в лоно официальной церкви. Слухи о покровительстве расколу приводили в Петербург все новых и новых его приверженцев. Ненавидя Петра I, они иначе смотрели на основанный им город, который сосредоточил в себе торговлю и промышленность, привлекая внимание старообрядцев². Они тайно являлись в Петербург, тщательно скрывая свою принадлежность к расколу, чтобы не платить двойную подать, молились по домам и занимались разными ремеслами и торговлей³. Довольно быстро прибывшие в столицу старообрядцы вступали в контакты друг с другом, что подтверждалось показаниями некоторых из них на допросах в Синоде.

Во второй половине XVIII в. продолжилось переселение старообрядцев в Петербург из Московской и других губерний. Прежде многие старообрядцы попадали туда не по своей воле. Тех же, кто приехал во второй половине XVIII в., привлекали перспективы столичной жизни и возможность избежать гонений. Если при Елизавете, негативно относившейся к раскольникам, они старались быть незаметными, то после ее смерти столичные старообрядцы исповедовали свою веру более решительно и открыто. Это вовсе не означает, что правительство стало поощрять свободные проявления раскола, однако в отпращивании культа старообрядцам чинили значительно меньше препятствий, чем раньше. Сначала староверы устраивали моленные в частных домах. Действовали и публичные культовые заведения, в частности, известно, что в 1760 г. на Охте и в Чернышевском переулке существовали деревянные старообрядческие часовни⁴.

Правовое положение петербургских раскольников, как и всех российских старообрядцев, было весьма тяжелым. Записной раскольник, т. е. записавшийся в раскол при проведении ревизии и плативший двойную подать, в сущности, был лишен права владеть землей, строить дом, иметь законную семью, общаться с соседями, хранить у себя какие-либо рукописные книги. Ему в каждый момент грозила конфискация имущества или ссылка, если он будет не аккуратен в выплате штрафных денег или заподозрен в распространении своего вероучения⁵. Еще хуже жилось потаенным раскольникам, т. е. скрывавшим свою принадлежность к расколу и не записывавшимся в двойной оклад. У них не было вообще никаких гарантий, и они были вынуждены постоянно скрываться. Скорее всего, это были люди бедные, которые не могли стать записными раскольниками, так как не имели денег на уплату двойной подати.

Для понимания особенностей благотворительной деятельности петербургских старообрядцев необходимо очертить их жизненную позицию. И.В. Поздеева отметила следующие качества, характерные для большинства старообрядцев: личная ответственность не только за судьбу своей души, но и за судьбу всего христианского мира; полное и последовательное осуществление в повседневной жизни морально-нравственного кодекса христианской веры; опора личности на общину и учет интересов общины в индивидуальной деятельности⁶; ценность отдельной личности; противопоставление незыблемости своего быта изменчивости окружающего мира⁷.

Изначально петербургские старообрядцы не были единым сообществом. Они делились на поповское и беспоповское согласия, состоявшие из нескольких толков. Каждый толк представлял собой отдельную общину, объединенную религиозными взглядами. В рамках таких общин и развивалась старообрядческая благотворительность Петербурга.

У старообрядцев была широко организована взаимопомощь⁸. Возможно, благодаря этому обстоятельству им довольно быстро удалось прочно обосноваться в столице. Благотворительную деятельность столичных старообрядцев можно условно разделить на благотворительность «внутреннюю», направленную на помощь своей общине и другим староверам, и на благотворительность «внешнюю», в ходе которой помощь оказывалась нуждающимся независимо от их вероисповедания.

«Внутренняя» благотворительность петербургских старообрядцев включала помощь другим раскольникам в укрывании от властей, обеспечение их жилищем и содержанием. Примером такой формы благотворительности служит деятельность беспоповца федосеевского толка Филиппа Фомича Косцова, крестьянина из Рязанской губернии, ставшего позднее купцом 1-й гильдии. Косцов купил поместье в 3-й Адмиралтейской части, во втором квартале, в Чернышевском переулке (ныне ул. Ломоносова), в котором находилась федосеевская моленная, и создал старообрядческое общество, служившее пристанищем для крестьян, прибывавших в столицу. Косцов был популярен, потому что мог обеспечить жизнь без документов в обход полиции⁹. Для получения помощи следовало лишь соблюдать федосеевские правила.

К «внутренней» благотворительности относились пожертвования. Благодаря пожертвованиям большинство петербургских старообрядческих моленных вели далеко не бедное существование. Они получали пожертвования даже

от старообрядцев из других населенных пунктов. Например, кашинский купец Сухарников, вовлеченный в раскол угличским купцом Выжиловым, передал последнему по завещанию половину наличных денег. Из них 15 000 руб. пошло на моленную в Санкт-Петербурге¹⁰.

В XVIII в. щедрыми пожертвованиями славился представитель поморов (одного из наиболее многочисленных толков беспоповского согласия), именитый гражданин, купец Иван Феоктистович Долгов (1734–1799). Долгов (по другим вариантам — Долгих, Долгой)¹¹ основал моленную в 1768 г. в собственном доме в Литейной части, во втором квартале, на Моховой улице. Он являлся еще и попечителем Выгорецкой киновии (т. е. монастыря) и ежегодно жертвовал на ее содержание большие суммы, а однажды дал 100 000 руб.¹²

Среди петербургских поповцев благотворительной деятельностью активно занимались братья Сергей и Федул Григорьевичи Громы, возглавившие в 1830-е гг. петербургскую общину поповцев. Поселившись в Петербурге, Громы удачно занялись лесной торговлей, стали скупать «лесные дачи» в Новгородской и Олонецкой губерниях, сплавливать в столицу бревна, брусья и дрова, выгодно продавая их. В результате Громы стали одними из первых богачей в Петербурге.

Жена Сергея Григорьевича Громова Елена Ивановна щедро подавала скитам и монастырям деньгами, книгами, церковной утварью. Запрещенную литературу она посылала в «досках» книги какого-нибудь «невинного содержания». За поддержку раскола ее называли «госпожой дома Израилева». В доме Громовой и при моленной на ее иждивении постоянно проживало несколько монахинь и послушниц. Громы занимались благотворительностью, завели образцовый детский приют¹³. Возможно, их благотворительность была связана с бытовавшим среди старообрядцев ощущением того, что светская жизнь и увеселения — это грех, который они и пытались искупить посредством подаваний.

К «внутренней» благотворительности относилось содержание богаделен и больниц. Петербургские старообрядческие богадельни открывались старообрядческими общинами при моленных, подобно богадельням при церквях официальной церкви¹⁴, существовали за их счет и благодаря пожертвованиям прихожан. Богадельни функционировали у беспоповцев трех основных толков: у поморов, федосеевцев и филипповцев.

Первая известная нам богадельня поморов была с высочайшего разрешения основана в 1811 г. по просьбе петербургских купцов М.И. Ундозорова и Рябова на уступленной старообрядцам охтинскими поселянами земле. В ней предполагалось содержать 20 человек бедных и увечных. План и фасад богадельни был переделан архитектором Стасовым и высочайше утвержден. В результате были построены каменная моленная и богадельня¹⁵.

Автор статьи в газете «День» привел данные о том, что «старушек, живущих в богадельне, было около сотни. Они вели монашеский образ жизни и почти весь день проводили в молитвах»¹⁶. Судя по контексту, в статье речь идет о времени сразу после основания богадельни. По данным действительного статского советника Ф.И. Кельчевского, в начале 40-х гг. XIX в. в богадельне проживали 18 старых женщин и 15 мужчин, из которых 8 являлись молодыми певчими. Эти же цифры привел Н. Варадинов¹⁷. В черновике «Записок о живущих в столице раскольниках», составленных чиновником Министерства внутренних дел В.А. Аля-

бьевым, указано, что в середине 40-х гг. в богадельне содержалось 20 престарелых и увечных¹⁸.

В этой богадельне мужчины и женщины проживали в лучших условиях, чем в других богадельнях. Заведение было очень опрятным. Ежегодно в Ильин день, 20 июня, в богадельне отмечался праздник. Доход моленной и богадельни составляла плата за требы, похороны и пожертвования. Ежегодный доход достигал 10 000–11 000 руб. и расходовался без остатка¹⁹. Многие известные петербургские кушцы принадлежали к поморскому толку и жертвовали на содержание моленной и богадельни большие капиталы²⁰.

10 июня 1850 г. Николай I, продолжая выбранную линию борьбы с расколом путем применения полицейских мер, в том числе закрытия культовых учреждений и ущемления прав отдельных старообрядцев, повелел подчинить малоохтинскую богадельню поморов ведению Попечительного совета заведений общественного призрения, в числе прочих городских богоугодных заведений, состоящих под личным императорским контролем. Заведование поморской богадельней было возложено на управляющего волковской и малоохтинской раскольническими богадельнями федосеевского толка, члена Попечительного совета, тайного советника сенатора Михаила Николаевича Жемчужникова²¹.

Вторая богадельня поморской общины располагалась на Моховой улице в доме И.Ф. Долгова²². По сведениям Ф.И. Кельчевского, в начале 1840-х гг. в богадельне жили 8 мужчин, 10 женщин и 12 певчих молодых лет, здоровой наружности, а также несколько раскольников из прислуги. Те же данные о количестве человек и доходах моленной и богадельни привел Н. Варадинов²³.

В.А. Алябьев, выполняя поручение Министерства внутренних дел, в 1846 г. составил вопросы к попечителям моленной поморского толка. Из ответа на второй вопрос следует, что по сведениям, имевшимся в Министерстве внутренних дел, при моленной имелась богадельня, в которой в середине 1840-х гг. проживало 20 мужчин, 10 старых женщин и 17 человек певчих²⁴. Моленная Долгова и богадельня содержались из дохода, получаемого от дома, в котором проживали, в том числе, жильцы не раскольники, а также за счет отправления треб, продажи свечей и получения пожертвований. Доход достигал 80 000 руб., а расход — 11 000 руб.²⁵ Большую часть подношений столичные поморы отсылали в Даниловский мужской монастырь и в Выголексинский женский монастырь Олонецкой губернии²⁶. В документах Алябьева содержится информация, что поморская моленная и богадельня управлялись жившим при них раскольниковом с женой и детьми²⁷. Имя управляющего в деле не указано.

Судя по тому, что в 1846 г. Алябьев спрашивал попечителей, когда и по какой причине была уничтожена богадельня и куда девались призреваемые²⁸, богадельню, видимо, закрыли сами старообрядцы. В других источниках упоминания о закрытии богадельни отсутствуют. Трудно сказать, что послужило причиной ее закрытия (если таковое действительно состоялось в те годы). Возможно, поморы перевели ее в другое место или закрыли, не став дожидаться, пока ее закроет полиция.

На кладбище поморов, расположенном в Охтинской части на Малой Охте (в районе нынешней улицы Помяловского), имелась больница на две кровати, в которую привозили раскольников из их квартир или из богадельни на Моховой улице, где не держали больных. 28 октября 1853 г. моленная и кладбище поморов на Малой Охте были закрыты²⁹.

Самая первая известная нам богадельня федосеевцев — это основанная в 1784 г. на Волковом поле мужская каменная богадельня с моленной и различными пристройками. В богадельне призревало до 150 человек. В начале XIX в. в каменных флигелях жили как женщины, так и мужчины, и строгого разделения между ними не было. И мужская, и женская богадельни имели вид монастыря, разделенного на мужскую и женскую половину. При мужском отделении были общая пекарня и кухня, 7 колоколов, а при женской — еще 4 колокола. Женская богадельня управлялась Анной Захаровой, 55 лет, «именовавшейся» дочерью мастера мясного цеха³⁰.

Обе богадельни, моленная и кладбище состояли под началом титулярного советника Егора Фукса, перешедшего в раскол из лютеран в 45-летнем возрасте. Современники говорили, что Фукс «профукал» в продолжение тридцатипятилетнего управления общиной до двух с половиной миллионов рублей, не считая материальных пожертвований. О таких тратах Фукса писали и чиновники Министерства внутренних дел³¹. Попечителем волковской мужской и женской богаделен с двумя моленными и кладбищем в 1846 г. являлся купец Иван Чуркин, но главными покровителями и начальниками волковских федосеевцев были купец Сухачев и подрядчик Абрам Яковлев. Они пользовались покровительством и уважением со стороны важных петербургских вельмож³².

По сведениям Н. Варадинова, в период с 1831 по 1837 г. в женской богадельне проживало 229 человек, а в мужской — 75³³. Согласно данным П.В. Смирнова, в 1841 г. на Волковском кладбище проживало 229 женщин, а во всех петербургских богадельнях — 463 женщины и 255 мужчин³⁴. В начале 1840-х гг., по подсчетам Ф.И. Кельчевского, в обеих богадельнях проживали 75 мужчин и 222 женщины³⁵. В.А. Алябьев привел данные, что на Волковском кладбище в 1846 г. жили 240 женщин и 91 мужчина³⁶. Таким образом, в 30-е и начале 40-х гг. XIX в. количество проживавших в волковских богадельнях колебалось лишь незначительно и только к концу указанного периода начало увеличиваться, что было связано с закрытием федосеевских богаделен в других частях города.

К столу в богадельню ежедневно приходило около тридцати бедных мужчин и женщин³⁷. Доход кладбища составлял 60 000, а расход 55 000 руб.³⁸ Сколько общество получало припасами, неизвестно, так как это не записывалось. Доходы состояли из вкладов некоторых богаделенных людей, из добровольных пожертвований и из денег, выручавшихся от похорон и треб³⁹.

18 апреля 1847 г. Секретный комитет по делам о расколе решил, что на основании статей 677 и 678 Свода учреждений и уставов об общественном призрении (изд. 1842 г.) частные люди могут учреждать от себя благотворительные заведения, если они не нарушают правила и действуют с дозволения правительства. Поскольку в богадельнях на Волковском кладбище были замечены такие «противоправные и вредные действия», как прием беспаспортных и не подлежащих призрению, открытие заведений без разрешения правительства, безотчетное употребление жертвуемых сумм и оставление страждущих без пособий, Секретный комитет постановил подчинить богадельни на Волковском кладбище петербургскому Попечительскому совету заведений общественного призрения. Попечителем Николай I назначил сенатора М.Н. Жемчужникова⁴⁰.

26 октября 1853 г. Николай I повелел придать волковским богадельням значение обыкновенной городской богадельни на законном основании, под главным

управлением Жемчужникова, в помощь которому командировать чиновника из Министерства внутренних дел. В богадельни было разрешено принимать как православных, так и раскольников, не допуская «только на первое время» иноверцев. Одну моленную федосеевцев было повелено обратить в православную церковь и определить к ней священника⁴¹. Это было сделано вместо ликвидации моленной. Таким образом, власти грубо навязывали православие, устраивая православные храмы в культовых учреждениях других вероисповеданий.

Что касается благотворительной деятельности при моленной упомянутого выше Ф.Ф. Косцова, то, по сведениям В.В. Нильского, его моленная в 1813 г. была переведена в соседний дом, расположенный в 3-й Адмиралтейской части, во втором квартале, на Фонтанке, № 87, между Чернышевым (ныне мост Ломоносова) и Семеновским мостами, который принадлежал петербургскому купцу федосеевцу Степану Васильевичу Апарину. В 1814 г. Апарин завещал свой дом федосеевскому обществу. Доход от дома, согласно завещанию, следовало употреблять на содержание в богадельном доме бедных и престарелых, которых на тот момент было 250 человек. В Магистрат это завещание было предъявлено 16 апреля 1819 г. В том же году его засвидетельствовала гражданская палата. После 1819 г. при моленной были устроены богадельня для мужчин и женщин, приют для иногородних раскольников, на время приезжавших в столицу, и столовые. Квартиры в доме сдавались внаем лицам любого вероисповедания и приносили ежегодный доход около 13 000 руб. Домом управлял Андрей Дегтярев⁴².

Согласно данным канцелярии петербургского гражданского губернатора, по ведомости на 1839 г. «О старообрядцах и раскольниках разных согласий и сект», при моленной Косцова проживало 28 мужчин и 31 женщина разных сословий и отмеченный особо один крепостной крестьянин⁴³. По сведениям Кельчевского, в 1841 г. в богадельне и моленной проживало 36 мужчин и 60 женщин, в 1842 — 60 женщин и 24 мужчины⁴⁴. Женщины располагались на втором этаже в двух просторных комнатах. Все они были старые и увеченные. Старшей над ними являлась Афилия Артемьева, митавская мещанка. В нижнем этаже находились мужские комнаты. В переднем каменном доме на втором и третьем этажах жила прислуга и 12 певчих, из которых четверо были очень молоды. Здесь же располагались женщины, прибывавшие на несколько дней. В нижнем этаже находились две столовые — для мужчин и для женщин, большая кухня. По колокольному зову собирались принимать пищу. Годовые праздники в моленной Косцова отмечали 6 августа в день Преображения и 1 октября в день Покрова Пресвятой Богородицы. Стечение народа в такие дни доходило до нескольких тысяч человек, преимущественно раскольников, но было много православных⁴⁵.

Общество получало доходы от сдачи внаем квартир, от добровольных пожертвований, от продажи восковых свечей и исправления треб. Размер дохода в год достигал 23 000 руб. Расходы общества равнялись доходам. Приношения и пожертвования общество получало как деньгами, так и вещами и припасами. Определить их количество невозможно из-за отсутствия записей⁴⁶. В 1841–1842 гг. попечителями моленной и богадельни состояли петербургские купцы Василий (Михаил — по черновикам Ф.И. Кельчевского) Гловы, член городской думы, Калина Косцов (племянник основателя) и Алексей Коровин. Они же управляли указанными заведениями⁴⁷.

25 ноября 1840 г. Секретный комитет постановил считать недействительным духовное завещание купца Апарина и отдать дом вместе с землей в распоряжение наследников по закону, а существующую при нем моленную и богадельню, произвольно заведенные раскольниками и как уже «неуместные», закрыть, оказав престарелым, дряхлым и больным призрение в других существующих благотворительных заведениях. Николай I приказал исполнить предложение Секретного комитета⁴⁸. Император считал себя вправе перераспределять имущество подданных, если считал, что их владение этим имуществом неуместно. Как заметил Е.В. Анисимов, в России само понятие «собственность» было весьма условно. Никто никогда не мог быть уверен в том, что его собственность сохранится за ним и его наследниками⁴⁹. По секретному рапорту Кельчевского министру внутренних дел 15 ноября 1842 г. богадельня в 3-й Адмиралтейской части была уничтожена, люди из нее выведены, о чем был составлен акт.

Еще одна богадельня федосеевцев находилась в Рождественской части на Мало-Охтинском проспекте (ныне пр. Бакунина), на земле, принадлежащей купцу (дворянину, согласно М.Н. Васильевскому) Петру Зеленкову⁵⁰. В 1808 г. мещанин Семен Леонтьев с обществом раскольников построил на этой земле каменный трехэтажный дом со «службами», где находились моленная и богадельня. 5 июня 1831 г. Зеленков составил духовное завещание, по которому собственность на землю должна была перейти к моленной. Министерство внутренних дел 11 июля 1833 г. отказалось утвердить завещание. В последующей практике подобные отказы приобрели значение прецедентов. В 1836 г. государь не утвердил завещания Монины и Владыченского в пользу петербургских раскольников. В 1837 г. эти частные распоряжения получают силу закона. Земля Зеленкова и дом на ней были предоставлены наследнице умершего княгине Шаховской. То обстоятельство, что наследницей Зеленкова была княгиня, подтверждает версию Васильевского, что Зеленков был дворянином. Княгиня сначала отказывалась, но потом передала дом и землю по купчей крепости мещанину Терентьеву, а от него они перешли купцу третьей гильдии Николаю Зиновьевскому⁵¹. Судя по некоторым записям Кельчевского и Алябьева, княгиня Шаховская продала дом между 1843 и 1846 г.

Согласно данным канцелярии петербургского гражданского губернатора по ведомости на 1839 г. «О старообрядцах и раскольниках разных согласий и сект», в «зеленковской секте» проживало людей разных сословий 6 человек⁵². По сведениям Кельчевского, в 1841 г. в доме жили 40 женщин и 30 мужчин. На чердаке поселились десять певчих, занимавшихся переписыванием церковных молитв и книг славянскими буквами. В нижнем этаже дома располагались кухня и две большие столовые, в которых собирались все живущие в богадельне за общий стол, а также кормили проходящих. Среди помещенных в богадельню мужчин многие были средних лет, «крепкой и здоровой наружности», а все женщины были пожилые, одетые чисто и опрятно, они занимались рукоделием. Женщинами завела петербургская мещанка Авдотья Михайлова. Ее статус напоминал положение игуменьи. Начальником богадельни являлся наставник Афанасий Терентьев, петербургский мещанин, проживавший тут же, а попечителями — Осип Кучин и Артемий Панов. В 1846 г. попечителями заведения были петербургские купцы Семен Скрябин, Василий Члитов (Улитов) и Николай Зиновьевский, купивший дом. 7 августа 1843 г. Кельчевскому предписали содействовать петербургскому во-

енному генерал-губернатору в высылке в места жительства раскольников, «находящихся без дозволения при моленной Зеленкова»⁵³.

В 1834 г. федосеевцы основали в Охтинской части, рядом с кладбищем поморов на Малой Охте, каменную богадельню, моленную и больницу на 20 человек. Богадельня была двухэтажной, хотя военный генерал-губернатор дозволил выстроить ее только в один этаж. По сведениям Кельчевского, при богадельне в начале 1840-х гг. находилось 60 женщин, по большей части старых и увечных. Рядом располагался деревянный дом, где проживали десять певчих, а во флигеле богадельни — 20 мужчин. При моленной имелось одноэтажное каменное строение для больницы на 24 человека, в которой лечили больных раскольников⁵⁴.

Доход моленной составлял около 8000 руб., пожертвования деньгами достигали 9000 руб., хлебом и другими припасами — 6000 руб., что и расходовалось на содержание моленной и богадельни. Сведения Варадинова, использовавшего материалы Министерства внутренних дел о количестве мужчин, женщин и приходящих к столу, совпадают с приводимыми Кельчевским. Размер дохода и расходы моленной и богадельни, по Варадинову, составляли 17 000 руб. Такая разница в цифрах, возможно, обусловлена тем, что у Кельчевского идет речь о 1841 г., а у Варадинова, судя по всему, о второй половине 30-х гг. XIX в.⁵⁵ В 1846 г. было вынесено высочайшее повеление не принимать больше никого в малоохтинскую федосеевскую богадельню. 28 апреля 1850 г. Николай I повелел подчинить ее ведению Попечительного совета и возложить заведование ею на М.Н. Жемчужникова⁵⁶.

18 мая 1852 г. Николай I постановил запечатать две малоохтинские моленные и оставить их в таком виде до новых распоряжений, 22 человека перевести в волковскую богадельню, которой передать движимое имущество и деньги. «Вредные» богослужебные вещи передавались в Министерство внутренних дел, а «невредные», составляющие частную собственность, возвращались «по принадлежности». Военному генерал-губернатору полагалось принять предосторожности. После этого следовало «приступить к совершенному их (моленных. — Е.К.) уничтожению, а все здания и постройки при моленных передать в ведение Попечительного совета заведений общественного призрения в Санкт-Петербурге для устройства там какого-либо богоугодного заведения». 26 октября 1853 г. Николай I повелел немедленно занять здания упраздненных малоохтинских раскольниковских богаделен каким-либо богоугодным заведением. У Попечительного совета не было необходимых средств, и здание следовало передать в распоряжение Совета Императорского Человеколюбивого общества с тем, чтобы на месте одной из моленных была устроена православная церковь⁵⁷.

Третьим по численности толком беспоповцев в Петербурге являлись филипповцы. Их богадельня была открыта при моленной примерно в 1800–1810 гг. (по данным Варадинова, в 1800 г.) в Московской части, во втором квартале, на Болотной улице (ныне Коломенская ул.), в доме 9, принадлежавшем купцу (по свидетельству Кельчевского, мещанину) Якову Дмитриеву. Дозволения властей на ее открытие у него не было. Умирая, Дмитриев завещал свой дом трем попечителям, с тем, чтобы доход с него поступал на содержание моленной и богадельни⁵⁸. Выбор наследниками физических лиц, а не старообрядческого общества, возможно, был продиктован желанием избежать признания завещания недействительным и передачи имущества наследникам по закону.

Из отчета генерала Закардиевского за первый квартал 1818 г. следует, что в тот период в богадельне филипповцев в Петербурге проживало 56–65 мужчин и 46–56 женщин⁵⁹. В 1830-е гг., по сведениям Варадинова, в богадельне проживало 12 мужчин и 14 женщин, к столу ежедневно приходило 5 бедняков, доход и расход моленной составляли 7000 руб. в год. Те же данные привел Кельчевский в статистической таблице на 1841 г. и в рапорте управляющему Министерством внутренних дел графу А.Г. Строганову. По словам Кельчевского, это самый маленький доход по сравнению с моленными других старообрядческих общин. В бумагах Кельчевского уточняется, что все 14 женщин были старыми, а из 12 мужчин, из которых пятеро являлись певчими, двое были средних лет, остальные — старыми и дряхлыми. Алябьев в 1846 г. писал, что дмитриевская моленная «с отделениями для житья убогих мужчин и женщин» была самой бедной и имела прихожан до 30 душ. В начале 1840-х гг. попечителем и начальником при моленной и богадельне состоял сапожный мастер Федор Болотов. Кроме него, попечителями являлись купец Иван Иванов и брат учредителя петербургский мещанин Федор Дмитриев⁶⁰. Скорее всего, дом был завещан именно им.

Что касается петербургских старообрядцев поповского согласия, до нас дошли сведения только об одной организованной ими богадельне, расположенной при моленной на Ивановской улице (ныне Социалистическая ул.), в третьем квартале Московской части, в доме купца первой гильдии Владимира Королева. Новая моленная открыто существовала с 1811 г. (или с 1810 г.) по 1834 г. Последователи поповцев в Петербурге и после уничтожения этой моленной назывались «королевскими». В нижнем этаже моленной размещались больница на 15 кроватей и кухня со столовой. Богадельня на 150 мест располагалась в особом деревянном флигеле. В конце 1830-х гг. и в начале 1840-х гг. в богадельне проживали 27 мужчин, 32 старых женщины, 10 человек ежедневно приходили к столу. Годовой праздник отмечался 1 октября, в день Покрова Пресвятой Богородицы. Всем хозяйством управлял ярославский мещанин Игнатий Степанов. Главным попечителем заведения был купец первой гильдии Федул Громов, много жертвовавший на содержание богадельни, больницы и кладбища. Попечителями также являлись Данила Бабунов, Николай Васильев, Григорий Дмитриев, и купцы второй гильдии Егор Петров и Федор Калмыков⁶¹.

Ф.И. Кельчевский, подводя итоги своего расследования, сообщал в 1841 г. графу А.Г. Строганову, что на тот момент в Санкт-Петербурге было 9 моленных и богаделен, в том числе одна богадельня чисто женская, хотя женщины жили и в прочих. Наибольшее число живущих старообрядцев было в волковской богадельне, где помещалось около трехсот человек. Во всех девяти богадельнях и моленных проживало 255 человек мужчин и 446 женщин, а всего — 701 человек. Приходящих к столу было до 245 человек ежедневно⁶².

«Внешняя» благотворительность петербургских старообрядцев заключалась в обеспечении питанием бедных всех исповеданий и помощи горожанам во время стихийных бедствий и эпидемий. Кельчевский отмечал, что в Петербурге во всех богадельнях кормили приходящих, устраивали больницы, давали пособия. В 1831 г. многие были вовлечены в раскол во время холеры⁶³, в том числе известные петербургские купцы Михаил и Дмитрий Глозовы с семьями, так как «раскольники умели действовать в свою пользу»⁶⁴.

Общественная столовая, в которую пускали и православных, была организована при моленной И.Ф. Долгова. Ежедневно 20 человек бедных приходили туда к столу. В столовую при моленной федосеевцев на Малой Охте ежедневно приходило столько же бедных различных исповеданий. К столу в богадельне федосеевцев в доме Апарина приглашали посторонних, в том числе не служивших солдат. Количество приходящих достигало 40 мужчин и 40 женщин. В праздники обедало до 500 и более человек. Православные ели за особыми столами и из особой посуды, блюда же у всех были одинаковыми. Сверх того, ежедневно раздавался хлеб самым бедным приходящим православным. В богадельню в доме Зеленкова ежедневно приходило к столу не менее 60 человек, среди которых были отставные и уволенные в бессрочные отпуска солдаты. Раскольники ели те же блюда, но отдельно и из своей посуды⁶⁵. Это серьезное нарушение старообрядческих правил, запрещавших общаться и, тем более, принимать пищу с «никонианами», допускалось, скорее всего, с целью привлечь в свою веру как можно больше людей.

Итак, благотворительная деятельность петербургских старообрядцев была обусловлена рядом факторов. Взаимопомощь была связана с задачей сохранения старой веры. Благотворительность являлась также одним из действенных способов вовлечения в свою веру. Кроме того, было важно создавать положительное мнение о старообрядцах в среде горожан, так как в XVIII в. это помогало скрываться потаенным раскольникам, да и заниматься промышленностью и торговлей, оставаясь замкнутой общиной, было сложно. Не стоит также забывать, что помощь нищим и убогим издавна считалась в России богоугодным делом, одним из средств искупления грехов.

Развитию старообрядческой благотворительности способствовала ситуация с общественным призрением в стране. Государственная власть выделяла явно недостаточно средств на содержание больных, помощь бедным, старикам. При этом подобная деятельность старообрядцев — частных лиц и обществ — часто вызывала неодобрение государственной власти, больше опасавшейся распространения раскола, чем заботившейся о нуждающихся. Петербургские старообрядцы крайне редко получали разрешение на открытие благотворительных заведений, а благотворительная деятельность без разрешения рассматривалась как вольность и неподчинение установленному порядку. На фоне постоянного увеличения количества старообрядцев и неудавшейся борьбы с расколом развитие старообрядческой благотворительности могло восприниматься как вызов власти. В результате в царствование Николая I была сделана попытка подчинить государству благотворительную деятельность петербургских староверов.

Примечания

- ¹ *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. Кн. 8. СПб., 1863. С. 300.
- ² *Простосердов А.И.* Волковское единоверческое кладбище. Петроград, 1916. С. 9.
- ³ *Нильский В.В.* Историко-статистическое описание столичных единоверческих церквей: Никольской, что на Захарьевской улице, известной под именем Миловской, и Никольской, что в Николаевской улице. СПб., 1880. С. 2.
- ⁴ *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 397.

- ⁵ Мельгунов С.П. Религиозно-общественные движения XVII–XVIII вв. в России. М., 1922. С. 111.
- ⁶ Поздеева И.Д. Личность и община в истории русского старообрядчества // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Тезисы. М., 1997. С. 25.
- ⁷ Поздеева И.Д. Личность и община в истории русского старообрядчества // Мир старообрядчества. История и современность. Вып. 5. М., 1999. С. 4.
- ⁸ С-ий С.Н. Нравственность раскольников-старообрядцев // Оренбургские епархиальные ведомости. 1 января 1890. № 1. С. 12.
- ⁹ РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 34 об.–35.
- ¹⁰ Карцов В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Спецкурс. Калинин, 1971. Ч. II. С. 103.
- ¹¹ *Crummey R.O.* The Old Believers & the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State. Madison; Milwaukee; London, 1970. P. 202; Любобытный П.С. Исторический словарь и каталог или библиотека староверческой церкви. Цит. по: Сборник для истории старообрядчества, издаваемый Н. Поповым. Т. II. Вып. IV–V. М., 1866. С. 84.
- ¹² РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 132; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402, 405; *Crummey R.O.* The Old Believers & the World of Antichrist. P. 202; Любобытный П.С. Исторический словарь и каталог или библиотека староверческой церкви. С. 84, 122–123, 128, 135, 143, 147, 178, 185–186.
- ¹³ *Смирнов П.С.* Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола. СПб., 1902. С. 13; *Мельников П.И.* Исторические очерки поповщины // Русский вестник. Т. 65. М., 1866. С. 17–18, 24.
- ¹⁴ Очерки истории Санкт-Петербургской епархии / Редактор-составитель митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). СПб., 1994. С. 31; *Стог А.* Об общественном призвании в России // Антология социальной работы. Т. 3. Социальная политика и законодательство в социальной работе / Сост. М.В. Фирсов. М., 1995. С. 22.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 134 об.–135; Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 20.
- ¹⁶ *Калашников Н.* Раскольники в Петербурге. V. Поморы // День. Газета политическая, общественная и литературная. СПб., 1891. 19 (31) января. № 938. С. 2.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 134; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 7.
- ¹⁹ Там же. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 135–135 об.; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
- ²⁰ РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об.
- ²¹ Собрание постановлений по части раскола. Т. I. Постановления Министерства внутренних дел. Вып. 1. Лондон, 1863. С. 369.
- ²² РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 42 об., 132; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402, 405.
- ²³ РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 132; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
- ²⁴ РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 5.
- ²⁵ Там же. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 132 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 81 об.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. Л. 5.
- ²⁹ Там же. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 134, 135–135 об.; *Нильский В.В.* Историко-статистическое описание столичных единоверческих церквей. С. 59–64.
- ³⁰ *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 404–405; *Животов Н.Н.* Церковный раскол Петербурга. СПб., 1891. С. 57; *Нильский В.* Раскол в Петербурге. Псков, 1877. С. 43–45; РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 77; Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35 об., 127.

- 31 *Нильский В.* Раскол в Петербурге. С. 45–49; РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об. –111.
32 РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 28; *Нильский В.* Раскол в Петербурге. С. 45–49.
33 *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
34 *Смирнов С.П.* Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола.
С. 6.
35 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.
36 Там же. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 77.
37 Там же. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 110 об.–111.
38 *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
39 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 128 об.
40 Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 369–373; *Нильский В.* Раскол в Петербурге. С. 50.
41 Собрание постановлений по части раскола. С. 480; *Нильский В.* Раскол в Петербурге. С. 52.
42 *Нильский В.* Раскол в Петербурге. С. 39–40; РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–6, 118–119 об., 120 об.
43 ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 2. Д. 28. Л. 104.
44 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 34 об.–35.
45 Там же. Л. 118–119 об.
46 Там же. Л. 120 об.–121.
47 Там же. Л. 34 об.–35; *Нильский В.* Раскол в Петербурге. С. 41.
48 Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 294.
49 *Анисимов Е.В.* Россия без Петра. 1725–1740 год. СПб., 1994. С. 161.
50 *Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. Казань, 1914. С. 78; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 406.
51 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 130–130 об.; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 406–407; *Васильевский М.Н.* Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование императора Николая I. С. 78–79.
52 ЦГИА. Ф. 253. Оп. 2. Д. 28. Л. 104.
53 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 130–130 об., 61; Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 42.
54 *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 405; РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 122–123.
55 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 122–123; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
56 РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 7 об.; Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 414, 452.
57 Собрание постановлений по части раскола. С. 452.
58 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 34–35, 124; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402, 405.
59 ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 1. Д. 75. Л. 108.
60 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–31 об., 35, 124–125; Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 7, 12, 84.
61 Там же. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 35, 36, 107–108, 115–155 об.; Ф. 1609. Оп. 1. Д. 274. Л. 49; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 406, 402; *Мельников П.И.* Исторические очерки поповщины. С. 12–13.
62 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 30–32.
63 Там же; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402.
64 РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.
65 Там же. Л. 42 об., 118–119 об., 122–123, 130–130 об. 132; *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. С. 402–405.